Ислам Зарипов

# Джадидистская экономика: татарские религиозные реформаторы начала XX в. о ростовщичестве и банках

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-3-42-59

*Islam Zaripov*

**Jadidist Economics: Early 20th Century Tatar Religious Reformers on Usury and Banks**

**Islam Zaripov** — Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia). islamzarif@gmail.com

*The article deals with three main approaches of Tatar religious reformers of the early 20th century to the problem of the Quranic usury ban. They all believed of the traditional scholastic Muslim doctrines as being outdated and hampering the economic development of the community. They offered their own modern interpretations on the basis of various methods of reading the sacred texts. Their solutions varied from the restriction of the ban to accepting the only particular kind of usurious transactions, existed in pre-Islamic Arabia; from legalization of the common credit and banking institutions to the ideas of creating a Muslim bank that accumulates the capitals of the entire community.*

**Keywords:** Jadidism, Muslim reformism, Islamic economy, Islamic banking, Islam in Russia, Muhammad-Najip Tunteri, Zakir Ayukhanov, Musa Bigiev.

Политико-экономическая зависимость мусульманского мира от европейских держав и постепенный переход к капиталистическим формам хозяйствования породили в XIX — начале XX в. практически во всех его регионах — Северной Африке, Османской империи, Иране, Афганистане, Индии и других — движения религиозного реформаторства[1].

1. Более подробно о религиозном реформаторстве в мусульманском мире см., например: *Степанянц М.* Мусульманские концепции в философии и политике



*Зарипов И.* Джадидистская экономика: татарские религиозные реформаторы начала XX в. о ростовщичестве и банках // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 3. С. 42–59.
Zaripov, Islam (2018) "Jadidist Economics: Early 20th Century Tatar Religious Reformers on Usury and Banks", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 36(3): 42–59.

Не стала исключением и Российская империя, где оно стало известно под названием *джадидизм*[2]. В разной степени оно охватило все ее мусульманские области — Крым, Волго-Уралье, Северный Кавказ, Закавказье и Туркестан, и в каждом из них представляло собой достаточно самостоятельные явления, хотя и испытывающие на себе влияния из других регионов страны и мира. Однако наибольшее развитие это движение получило среди поволжских татар (казанцев, мишарей и касимовцев), которые в силу своего почти трехсотлетнего опыта нахождения в составе России и особенностей дисперсного расселения в центральных областях испытывали сильное влияние русской, а через нее и европейской науки и культуры.

В XIX — начале XX в. татарское общество прошло значительный путь развития капиталистических отношений — от элементов производства до возведения крупных промышленных комплексов, от примитивных форм денежно-товарного обмена до проведения крупных операций на российском рынке и за его пределами, и вплоть до основания различных акционерных компаний и торговых домов. В начале XX в. наблюдался интенсивный рост торгового и промышленного капитала татар, национальное предпринимательство достигло значительных успехов и вышло на передовые рубежи российской экономики. Важным показателем развития татарского капитализма была активная деятельность татарских предпринимателей за границей. Как отмечают исследователи, идеологической основой этих процессов стал именно джадидизм[3].

(XIX–XX вв.). М.: Изд-во «Наука», 1982; *Левин З.* Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт систем. и социокультур. исслед. М.: Крафт+, 2005; Charles, K. (ed.) (2002) *Modernist Islam, 1840–1940. A Sourcebook*. Oxford: Oxford University Press.

2. В различной литературе термин *джадидизм* используется по-разному — от узкого названия школьной реформы до широкого обозначения им всего комплекса процессов формирования нации, включающего изменения в системе образования, религиозной мысли, языке, культуре, экономике и политике. Мы в настоящей работе будем использовать его для обозначения религиозного реформаторства. Более подробно о джадидизме как о религиозном реформаторстве см.: *Исхаков Д.* Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань: Из-во «Иман», 1997. С. 10–12; *Мараш И.* Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917). Казань: Изд-во «Иман», 2005. С. 13–24; *Шихалиев Ш.* Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 136–140.

3. См.: *Хасанов Х.* Формирование татарской буржуазной нации. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. 328 с.; *Газизуллин Ф.* Татарская экономическая мысль на путях к марксизму. 1880–1917 гг.: дис. ... докт. ист. наук. Казань, 1980; *Зарипов И.* Влия-

Несмотря на всю неоднородность татарского реформаторства, общим в методологии джадидов был отказ от слепого следования средневековым богословам (*таклид*) и установка на самостоятельное извлечение богословско-правовых положений из первоисточников с учетом социально-экономических и региональных особенностей *(иджтихад)*.

Просветительская деятельность первых татарских реформаторов — Габдунасыра Курсави (1776–1812) и Шихабутдина Марджани (1818–1889) — стала мощным толчком для начала модернизации системы образования, развития светской литературы и науки, а также и экономики. Именно ученик последнего — Габдельгаллям Фаизханов (1850–1910) — стал первым татарским экономистом, который в своих теоретических работах на родном языке рассматривал основные экономические понятия с точки зрения классической европейской школы политической экономики[4].

Последователь выдающегося крымско-татарского просветителя Исмаила Гаспринского (1851–1914) ростовчанин Муса Акъегетзаде (1864–1923) стал основоположником развития экономической науки в Османской империи, куда переехал в возрасте 24 лет[5]. В то же время он оказал большое влияние и на своих российских единоверцев. Так, например, сообщается, что именно по его настоятельному совету во время встречи в Стамбуле изучению богословия посвятит себя будущий «мусульманский Лютер» Муса Бигиев (1873–1949)[6].

ние идей религиозного реформаторства на развитие капиталистических отношений в татарском обществе начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.

4. *Газизуллин Ф.* Татарская экономическая мысль на путях к марксизму. 1880–1917 гг.: дис. ... докт. ист. наук. — Казань, 1980. С. 63–66; *Фаизханов Г.* Мухаррик аль-афкар (Двигатель мыслей). Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2006. С. 47.

5. *Төрек оглы И.* Муса Акъегетзадә Төркиядә // Гасырлар авазы. 1998. № 1/2. С. 138. Об экономических идеях М. Акъегетзаде см.: *Хадиуллина Г.* Экономические идеи в наследии Мусы Акъегетзаде (1864–1923) // Проблемы современной экономики. 2003. № 1 (5). [http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=198, доступ 08.04.2018].

6. «Мусульманский Лютер» — именно так называлась статья Н. Федотова о М. Бигиеве, опубликованная в журнале «Исторический вестник» в 1914 г. (*Федотов Н.* Мусульманский Лютер // Исторический вестник. 1914. Т. CXXXVII. С. 527–535.). Так же его называли некоторые горячие поклонники. См.: *Кныш А.* Реформация, которая не состоялась? Или что бы сказал Муса Бигиев сегодня? // II Бигиевские чтения — 2015. Мусульманская мысль в XXI веке: единство традиции и обновления (Материалы II Международной науч.-образовательной конф., г. Санкт-Петербург, 17–20 мая 2015 г.) / под ред. Д.В. Мухетдинова. Москва: ООО «Издательский дом «Медина», 2016. С. 54; *Хайрутдинов А.* Муса Джаруллах Бигиев. Казань: Из-во «Фэн» Академии наук РТ, 2005. С. 15.

Выпускник оренбургского джадидистского медресе «Хусаиния», продолживший обучение в одесском коммерческом училище и Берлинском университете, Мустафа Сейфуль-Мулюков (1887–1938) стал автором фундаментального исследования на татарском языке «Проблема ростовщичества в истории экономики», ставшего основой для изысканий богословов по данной теме[7]. Эта работа была опубликована в 1915–1916 гг. в 17 номерах одного из самых популярных общественно-религиозных журналов «Шура», редактором которого был джадидистский богослов и будущий муфтий Ризаэтдин Фахретдин (1859–1936).

Необходимо особо отметить важнейшую роль в развитии татарской богословско-экономической мысли национальной периодической печати, широкое распространение которой стало возможно после революции 1905 г. Появившаяся в эти годы общественно-политическая и религиозная пресса, помимо всего прочего, уделяла значительное внимание публикациям на экономические темы, включающим как статьи местных авторов, так и переводы с русского и европейских языков. В 1908–1913 гг. издавался и специальный экономический журнал «Икътисад», в задачи которого, как говорилось в программной статье, входило рассмотрение различных вопросов с точки зрения экономической науки и шариата. Его основателем, издателем и главным редактором был джадидистский имам — настоятель Самарской Соборной мечети Мухаммад-Фатих Муртазин (1875–1938), который по совместительству был членом кредитного правления Самарского кредитного банка и, по определению советского исследователя Ф.Г. Газизуллина, «одним из идеологов татарской буржуазии»[8].

Как на страницах периодической печати, так и в отдельных публикациях обсуждался широкий спектр вопросов хозяйственной деятельности через призму ислама: поощрение богатства и этические принципы труда, сбор и распределение милостыни в современных условиях, благотворительные фонды, экономическое образование, инновации, бумажные деньги, акции, облигации, векселя, страхование и др. Наиболее остро стояла проблема кредитно-банковской деятельности.

7. Более подробно о М. Сейфуль-Мулюкове см.: *Зарипов И.* Влияние идей религиозного реформаторства на развитие капиталистических отношений в татарском обществе начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. С. 78–85.

8. *Зарипов И.А.* Икътисад — первый российский журнал по исламской экономике // *Филология и культура. Philology and Culture*. 2013. № 1 (31). С. 193–197.

Коран и Сунна категорически запрещают ростовщичество (*риба*)[9], не давая при этом его однозначного определения. Это вызывало различные толки уже среди сподвижников пророка Мухаммада сразу после его смерти и затем получило дальнейшее развитие в мусульманском праве (*фикх*). В Средние века каждая богословско-правовая школа (*мазхаб*) и ряд отдельных правоведов выработали свои, иногда прямо противоположные, подходы в определении дозволенности и запретности тех или иных бартерных и ссудных операций[10].

С развитием кредитно-банковской системы в мусульманском мире эта проблема становится одним из ключевых вопросов богословско-правового реформаторского дискурса. Во второй половине XIX в. индийский реформатор Ахмад Хан (1817–1898) выступил с оправданием банковского процента. В начале XX в. египтяне Мухаммад Абдо (1849–1905) и Рашид Рида (1865–1935) вынесли заключения (*фетвы*), предельно ограничивающие коранический запрет и легализующие широкий спектр банковских операций[11].

Вполне вероятно, что под этим влиянием, а также, в большей степени, в связи с запросами местных предпринимателей-мусульман, в начале XX в. дискуссия о кредитно-банковской деятельности разворачивается и в среде татарских джадидов. Не соглашаясь с позицией традиционалистов, которые на основе средневекового положения ханафитского *мазхаба* допускали ростовщичество только в немусульманской стране (*дар ал-харб*), к коей относили и Россию, реформаторы отрицали саму концепцию двуполярного деления мира в современных условиях. Так, например, Муса Бигиев писал:

> Вся земля — это одна страна относительно шариатских норм, неприкосновенности прав. На мой взгляд, слова имама имамов Абу Ханифы не могут быть ориентиром в этом вопросе. Скорее, они относятся к военному времени и состоянию войны. После заключения договора положение о немусульманской стране (*дар ал-харб*) теря-

9. Коран — 2: 275–281; 3: 130. Сунна — Бухари, 2086, 2766; Муслим, 89, 1598 и др.

10. Более подробно об этом см.: *Бигиев М.* Закят. [Предисл. пер. и коммент. И.А. Зарипов]. Наб. Челны: Духовно-деловой центр «Ислам Нуры», 2013. С. 99–113; *Беккин Р.* Исламская экономическая модель и современность. Москва: ИД Марджани, 2009. С. 39–42.

11. *Беккин Р.* Исламская экономическая модель и современность. С. 42–45.

ет силу, имущество, жизнь, кровь каждой из сторон становятся неприкосновенными (*ма'сум*)[12].

Однако подходы реформаторов к решению данной проблемы существенно различались между собой как концептуально, так и методологически.

Открывается внутриджадидистская полемика статьей Мухаммад-Наджипа Тюнтери (1863–1930) «Проблема ростовщичества и банки», опубликованной в 1913 г. в журнале «Ад-Дин ва ал-адаб»[13]. *Иджтихад* автора строится на принципах учета всеобщей пользы (*масалих*), следования не букве шариатских норм, а их целям (*макасид*), правилам «устранение трудности облегчением» и «нужда делает дозволенным запретное». В своем исследовании он доказывает, что коранический запрет относится только к ссудному ростовщичеству (*риба ан-наси'а*) доисламской Аравии (*джахилийа*). Под ним он подразумевает увеличение размера процентной ставки по кредиту в случае продления срока выплаты до такой степени, что выплачиваемая сумма в итоге будет в несколько раз превышать основную сумму долга, о чем и говорится в Писании словами *«не пожирайте роста, удвоенного вдвойне»* (*ад'аф муда'афа*)[14]. При этом запрет на ростовщичество при бартерном обмене (*риба ал-фадл*), оговоренный в Предании (*Сунне*), он рассматривает лишь как средство для ограничения запрещенного Кораном ссудного ростовщичества, которое в случае необходимости (*дарура*) для общественной пользы (*маслаха*) по решению лидеров общины (*улу ал-амр*) может быть снято. Именно к этому виду ростовщичества богослов относит банковские операции, которые, по его мнению, основывают свою работу на принципе долевого участи — *мудараба*[15], и в настоящее время приносят огромную пользу экономическому развитию.

12. *Бигиев М.* Закят. С. 114.

13. *Түнтәри М.-Н.* Риба мәсьәләсе вә банклар // Әд-дин вә әл-әдәб. 1331/1913. № 16. С. 498–505.

14. Коран, 3: 130. Пер. И.Ю. Крачковского.

15. Мудараба — это долевое участие в бизнесе, когда одна из сторон предоставляет капитал (чаще всего это деньги, но если капиталом являются не деньги, то вид капитала должен быть оценен в денежном эквиваленте на момент договора), а другая сторона ведет предпринимательскую деятельность с этим капиталом за определенную часть прибыли, измеряемой в долевой пропорции (процентами или долями).

Допуская, таким образом, участие мусульман в работе всех существующих на тот момент государственных и частных кредитно-финансовых учреждений, Тюнтери оговаривает необходимость создания исламских банков, но только как инструментов обращения капитала внутри мусульманского сообщества, работающих по общим принципам, а не как институтов альтернативной финансовой системы, о которых говорят современные теоретики мусульманского банкинга[16].

Со схожей идеей ограниченности коранического запрета лихоимства лишь тем видом, который бытовал в доисламской Аравии, выступил Закир Аюханов (1889–1961) в своем масштабном исследовании «О ростовщичестве», опубликованном в 22 номерах журнала «Шура» в 1915–1916 гг.[17] Однако, в отличие от М.-Н. Тюнтери, он полностью отрицает саму возможность *иджтихада* на основе извлечения общих норм из Корана и Сунны и их применение к современности через метод аналогии (*кийас*), являющийся третьей основой классического суннитского правотворчества (*усул ал-фикх*). Отвергая этот метод, он заявляет, что религиозные запреты ограничены конкретным указанием текстов первоисточников. Они, на его взгляд, являются категоричными и неизменными, тогда как положение всего, что не оговорено в Священном Писании и Предании, является предметом *иджтихада* — т. е. регулируется самими людьми и может изменяться в зависимости от социально-экономических и иных особенностей развития того или иного общества. Неоговоренное в первоисточниках может быть временно запрещено по каким-то причинам, но только не от имени Бога и религии, а решением самих людей или правителей[18].

Для обоснования такого подхода Аюханов зачастую ссылается на работы средневекового андалусского правоведа Ибн Хазма

16. Более подробно см.: *Зарипов И.* Богословско-правовое заключение М.-Н. Тюнтери о ростовщичестве // Казанское исламоведение. 2015. № 1. С. 222–228.

17. *Аюханов З.* Риба хакында // Шура. 1915. № 2. С. 42–52; № 3. С. 81–82; № 4. С. 107–109; № 5. С. 146–148; № 6. С. 177–178; № 7. С. 204–206; № 8. С. 245–247; № 9. С. 269–271; № 10. С. 299–301; № 11. С. 336–340; № 12. С. 361–362. 1916. № 9. С. 222–224; № 10. С. 237–239; № 11. С. 260–262; № 12. С. 383–385; № 13. С. 308–311; № 14. С. 333–335; № 15. С. 357–359; № 16. С. 382–384; № 17. С. 405–407; № 18. С. 428–432; № 19. С. 452–455.

18. Более подробно о методологии З. Аюханова см.*: Зарипов И.* Альтернативный путь татарского религиозного реформаторства // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве. Казань, 2014. С. 401–408.

(994–1064) — основного представителя исчезнувшей после XV в. богословско-правовой школы *захиритов*, которые опирались исключительно на «внешнее», буквальное понимание Корана и Сунны, отрицая всякую возможность видеть в текстах скрытый смысл и толковать их аллегорически или рационально. В вопросах методологии права они были противниками использования принятых в суннизме логико-рационалистических приемов (*кийас*, *ра'й*, *истихсан*, *истисхаб* и др.) и считали дозволенным все то, что явно не запрещено[19].

В своей работе Аюханов сперва указывает на важность развития кредитно-банковской системы в современных экономических условиях, а затем подробно рассматривает заключения четырех традиционных суннитских школ (*мазхабов*) по данной проблеме, подвергая их жесткой критике, особо отмечая, что их разногласия как между собой, так и между правоведами одного *мазхаба* говорят об ущербности самого метода аналогии и несоответствия сделанным на его основе заявлениям духу «четкого и ясного» Божественного закона. В заключении, на основе своего «неозахиритского», буквалистского метода, он заявляет об ограниченности пророческого запрета на ростовщичество при бартерном обмене (*риба ал-фадл*) шестью видами товаров, оговоренными в тексте предания[20], а коранического запрета ростовщичества — указанной в нем самом ссудой с «двукратным удвоением», под которой он понимает одностороннее увеличение возвратной суммы долга со стороны кредитора. Ссылаясь на сообщения ранних авторитетов, он также указывает, что именно такая практика имела широкое распространение у арабов во времена Мухаммада, и ее запрет был еще раз оговорен им самим во время «прощальной» проповеди четкими словами — *«отменяется ростовщичество времен джахилии»*[21]. На основе этого он делает вывод о дозволенности, с точки зрения ислама, всех видов банковских операций, за исключением повышения процентной ставки по кредиту или начисления пени в случае несвоевременной выплаты. В одной из статей он отмечает:

19. Ислам. Энциклопедический словарь. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 76–77; *Усуль аль-фикх*. Пер. с турецкого. Московский исламский университет, 2012. С. 517.

20. В хадисах оговорен запрет на неравный обмен золота, серебра, пшеницы, ячменя, фиников и соли на такой же вид товара. См., например: Бухари, 2134.

21. Джахилийа — букв. невежество — в мусульманской литературе так называют доисламский период. Текст проповеди см.: Муслим, 714.

> Нет пользы придираться к прошлому. Возможность еще полностью не упущена. Самое время, открыв пошире наши глаза, постараться увидеть, что для нас полезно, а что вредно, приложить усилия, чтобы избавиться от прошлых ошибок. Нужно научиться получать пользу от этих ценных [мелкокредитных] товариществ. Нужно взять пример с наших соотечественников — русских и евреев. Для того чтобы улучшить наше экономическое положение, нужно сделать их своими проводниками и идти за ними. Нужно оставить в прошлом взятие кредитов для угощения гостей, и если и брать в долг под проценты, то стараться извлечь из него прибыль, в 3-4 раза превышающую сумму выплат.
>
> На самом деле я никогда не говорил, что ради экономического соревнования с другими нациями абсолютно все ростовщические операции необходимы. Я никогда и не скажу этого. Если бы было хотя бы десять стран, которые не принимают никакого капитала, то они смогли бы существовать и без ростовщичества. Возможно, тогда и ростовщичество было бы абсолютно запретным. Но наш сегодняшний век можно во всех отношениях назвать веком капитала. Если считается верным накопление богатства и имущества, то, в таком случае, и ростовщичество становится необходимым. Потому что они — пара, близнецы, рожденные в одно время. Хотим мы того или нет, но мы вынуждены вступать в ростовщические отношения. И поэтому нам ни минуты нельзя колебаться в решении этого вопроса. Ибо, согласно учению нашей религии, имущество человека священно и почитаемо. И она допускает очень широкие и открытые возможности для использования ростовщичества при условии непричинения вреда другим[22].

Также, в отличие от М.-Н. Тюнтери, татарский неозахирит вообще не упоминает какие бы то ни было отдельные мусульманские финансовые учреждения. Более того, на основе принципа централизованного сбора и распределения на социальные и государственные нужды религиозной милостыни (*закят*, *ʻушр* и др.), существующего в практике пророка Мухаммада и «праведных» халифов, он приравнивает ее в современной российской действительности к налогам, таким образом полностью выводя экономические отношения из конфессиональной сферы в общегражданское пространство[23].

22. *Аюханов З.* Риба хакында // Шура. 1916. № 10. С. 237–238. *Здесь и далее — перевод статей Аюханова со старотатарск. наш.*

23. Более подробно об этом см.: *Зарипов И.* Татарские джадиды о соотношении религиозных и светских налогов // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки.* 2014. Т. 156, № 4. С. 181–188.

С жесткой критикой данных заключений и самой методологии Аюханова выступает Муса Бигиев, посвятивший этому вопросу книгу «Закят», вышедшую в 1916 г. в Петрограде[24]. Богослов начинает с того, что сравнивает проблему соотношения закята и налогов с евангельской историей, в которой фарисеи задали Иисусу Христу вопрос о позволении давать подать кесарю (Мф. 22:15–22). Он отмечает, что, хотя все милостыни, согласно закону Христа, являются добровольными, «мудрый посланник Бога Иисус» говорит: «Кесарю — кесарево, а Богу — Богово», призывая, таким образом, разделять правительственные налоги и установленную религией милостыню[25].

Защищая *иджтихад* как главнейший инструмент законотворчества в мусульманском праве, он пишет:

> В наши дни величайшей обязанностью мусульман всего мира ислама является дополнение исламского законодательства (*шариат*) в степени, соответствующей святости ислама, убеждениям верующих, путем детального усвоения доктрин предшествующих законодательств, римского и западного права, полностью используя широкие познания мусульманских правоведов (*факих*), всесторонне, во всех толкованиях постигая айаты Священного Корана и *Сунну* Мудрого Законодателя.
>
> <...>
>
> В свете этого я с надеждой смотрю на будущее ислама. Пройдя через широкие врата *иджтихада,* остающиеся открытыми до Дня Воскрешения, я обращаюсь лицом к святыне наук и *каабе* истины[26].

Следуя этому принципу, Бигиев далее размышляет над текстами Библии и Корана о ростовщичестве, описывает подходы иудаизма и христианства, а также критически рассматривает взгляды различных философских, экономических (в т. ч. К. Маркса) и мусульманских богословско-правовых школ на проблему. Он в корне не соглашается как с уловками (*хийал*) традиционалистов, так и с ограничениями запрета реформаторами. Выделяя два вида ссуды — потребительскую и производственную, взимание процен-

24. См.: *Бигиев М.* Закят. [Предисл. пер. и коммент. И.А. Зарипова]. Наб. Челны: Духовно-деловой центр «Ислам Нуры», 2013. 228 с.

25. *Зарипов И.* Татарские джадиды о соотношении религиозных и светских налогов. С. 187.

26. *Бигиев М.* Закят. С. 124–125.

та надбавки в первой он считает категорически запрещенным шариатом, тогда как во второй — вполне допустимым. Считая в общем возможным, при условии соблюдения такого разграничения, участие мусульман в работе общих кредитных учреждений, он в то же время уделяет особое внимание необходимости создания отдельного мусульманского банка. Обосновывая его необходимость и описывая систему его работы, он пишет:

> При внимательном рассмотрении экономического состояния современного мира ислама видно, что мусульмане, бедные они или богатые, отдельные лица, компании или государства берут ссуды у других народов, других государств, выплачивая процент, отдают другим самую большую долю принадлежащих им благ, теряя, в конце концов, все свои богатства. Также немало миллионов, возможно, миллиарды всего исламского мира хранятся в качестве депозитов в крупных банках и казначействах иноверцев, принося им ежегодно обильный доход, являясь удобоваримой и вкусной пищей для ненасытных животов иноверцев и, в конце концов, становясь инструментом причинения ущерба мусульманским нациям. На сегодня в мире ислама отсутствуют казначейства и банки, поэтому мир ислама экономически привязан к западным казначействам и находится в политическом подчинении у западных государств[27].
>
> <...>
>
> Требуется вернуть к жизни подробно описанный в книгах по мусульманскому праву «байт ал-мал»[28], сделать исламский «байт ал-мал» исламским банком, то есть использовать «байт ал-мал» для сбережения, накопления капиталов.
>
> Исламские вакфы, завещания, закяты, поступления от исламских обрядов, фонды исламских благотворительных обществ, вклады населения могут быть обильным источником для исламских банков.
>
> Используя мудрое учение ислама, мы могли бы с легкостью обеспечить все свои финансовые, гражданские и политические потребности. Использование по назначению этих великих и обильных источников освободило бы исламские отношения от необходимости

27. Там же. С. 120.

28. Байт ал-мал (араб. — дом имущества) — казна мусульманской общины, в которой хранились денежные или иные средства, поступающие от сбора налогов с мусульман (*закят*) и немусульман (*джизйа*), поземельного налога (*харадж*), пятой доли военной добычи (*ганима*), добровольных пожертвований (*садака*), доходы с вакуфного имущества и др.

брать или выплачивать ссудный процент (риба' ан-наси'а), категорически запрещенный Священным Кораном и словом Законодателя.

Относительно исламских «байт ал-мал», исламских банков, при условии внесения некоторых поправок, можно принять систему и методику учреждения гражданских банков.

Одна из простейших, но одновременно самых важных поправок касается четкого различения ссуды вспомоществования от ссуды, взятой для приобретения выгоды. Взимать проценты за предоставление ссуды вспомоществования категорически запрещается. Проценты сегодняшних ломбардов большей частью, конечно же, являются запретными.

Возможно также формирование целевых капиталов, предназначенных для пособий, благотворительности, просвещения и т. д., аккумулируемых в исламских «байт ал-мал» из известных источников. Здесь не может быть процента. Пособие выдается или безвозмездно, в виде благотворительности, или с условием беспроцентного возврата. В зависимости от положения и намерения получателя пособия определяется тот или иной ее вид.

Средства, предназначающиеся для оборота в сфере торговли, сельского хозяйства, промышленности, становятся капиталами исламских банков. Исламские банки принимают вклады, осуществляют кредитование, получая процент согласно принципу участия в прибыли, но в этих отношениях отсутствует ссудный процент (риба' ан-наси'а)[29].

Таким образом, Бигиев предлагает создать учреждение, которое должно сочетать в себе функции благотворительного и инвестиционного фондов, аккумулируя и распределяя все финансовые потоки общины, в том числе и милостыню.

Но осуществить этот проект на практике так и не было суждено. Революция 1917 г., последующий приход к власти большевиков и начало антирелигиозной политики остановили развитие мусульманской богословской мысли и конфессиональной инфраструктуры реформаторских идей.

Только оказавшись в эмиграции, Муса Бигиев, единственный из татарских богословов, продолжил свои исследования по проблемам экономики. В индийском городе Бахопал вышли две его работы на арабском языке — «Та'мин ал-хайат ва ал-амлак» (Страхование жизни и имущества, 1944) и «Ал-банк фи ал-ислам»

29. *Бигиев М.* Закят. С. 120–122.

(Банк в исламе, 1946)[30]. Однако в настоящее время они считаются утерянными и проследить развитие его богословско-экономической мысли на фоне масштабных изменений миропорядка середины XX в. пока не представляется возможным[31].

В основной части мусульманского мира широкие дискуссии о кораническом запрете ростовщичества и его соотношении с современной банковской системой развернулись после 1940-х гг. и продолжаются до сих пор. Местные реформаторы, так же как и ранее их татарские единомышленники, предлагают свои интерпретации запрета и пытаются легализовать большую часть общемировых банковских операций. Так, например, автор Гражданского кодекса Египта 1949 г. и законодательных актов целого ряда других арабских стран этого периода египетский правовед ʻАбдурраззак Санхури (1891–1971) во многом был схож с выводами М.-Н. Тюнтери и З. Аюханова, относя к категорически запретному только сложные проценты и считая получение процента на капитал допустимым[32].

Идеи сирийского правоведа Маʻаруфа Давалиби (1909–2004) в отношении к ростовщичеству во многом перекликались с бигиевскими. Он, так же как и татарский богослов, считал кораническим запрет ограниченным только потребительским кредитом частных лиц, а взимание процента при кредитовании организаций — дозволенным[33].

30. Kanlıdere, A. (2000) *Kadimle Cedit Arasında Musa Cârullah: hayatı, eserleri, fikirleri,* p. 177, 179. İstanbul: Dergâh Yayınları.

31. Критика экономического учения марксизма и колониальной политики европейских стран, защита права на частную собственность, призыв к созданию народных банков и фондов, а также ряд других вопросов экономики упомянуты в доэмиграционной работе М. Бигиева «Ислам миллатларена дини, адаби, саяси мас'алалар, тадбирлар хакында» (Воззвание к мусульманским нациям о религиозных, моральных, социальных и политических проблемах и действиях), опубликованной в Берлине в 1923 г., и в его Обращении к Великому Турецкому Национальному Собранию. Однако в них не затрагивается проблема ростовщичества и не описываются принципы работы упомянутых финансовых учреждений, их соотношения с существующей банковской системой. См.: *Бигиев М.* Избранные труды. Т. 2. [Сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. С. 18–29, 45–126.

32. Saeed, A. (2004) "Ribā", in P. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel and W. P. Heinrichs (ed.) *The Encyclopaedia of Islam. Second Edition*. Vol. 12. P. 691; *Беккин Р.* Исламская экономическая модель и современность. С. 43.

33. Saeed, A. (2004) "Ribā". P. 691.

Целый ряд арабских богословов высказывали мнение о соотнесении запрета с реальными процентами, тогда как номинальные проценты, на их взгляд, являются допустимыми[34].

С богословско-правовыми заключениями (*фатвами*) о дозволенности ряда банковских и страховых операций традиционных банков в разное время выступали и верховные шейхи исламской академии «Ал-Азхар» Махмуд Шалтут (1893–1963) и Сайид Тантави (1928–2010)[35].

Вместе с попытками легализации традиционных кредитно-банковских операций с конца 1940-х гг. получили развитие и идеи создания исламской банковской системы. Такие страны, как Пакистан, Иран и Судан, даже предприняли попытки полной исламизации своей экономики, однако только в последней она оказалась более-менее удачной[36]. В то же время исламские финансовые институты, работающие параллельно с традиционными банками, имели больший успех. Сегодня они открыты не только в странах мусульманского мира, но и в ряде европейских стран и США. Несколько подобных компаний работают и в России. В феврале 2018 г. о разработке проекта по открытию «исламских окон» заявили и в Сбербанке[37].

Сто лет назад, выдвигая идеи о создании исламского банка, татарские богословы также предполагали его работу в рамках общероссийской и общемировой кредитно-банковской системы, осознавая невозможность создания замкнутой исламской альтернативы в современных условиях. Так, например, М. Бигиев писал:

> В настоящее время на земле нет ни одного места, где бы существовало экономически независимое мусульманское общество или государство. Мусульманское население везде вынуждено следовать существующему миропорядку.
>
> <...>
>
> Любой из известных в современном цивилизованном мире типов банков при условии отсутствия несправедливости является законным[38].

34. Там же.

35. *Беккин Р.* Исламская экономическая модель и современность. С. 43.

36. Более подробно см.: *Беккин Р.* Исламская экономическая модель и современность. С. 173–201.

37. Сбербанк планирует открыть «исламские окна» // Информационное агентство ТАСС. 21.02.2018 [http://tass.ru/ekonomika/4979173, доступ от 01.07.2018]

38. *Бигиев М.* Закят. С. 120–122.

Таким образом, богословские размышления татарских джадидов начала XX века по проблемам ростовщичества и банков были созвучны общемусульманскому дискурсу прошлого века и продолжают оставаться актуальными. Это не только в очередной раз подтверждает высокий уровень развития мусульманского богословия в дореволюционной России, но и имеет важное практическое значение — их разработками и предложениями могут воспользоваться специалисты, занимающиеся современными проблемами исламского банкинга.

## Библиография / References

*Аюханов З.* Риба хакында [О ростовщичестве] // Шура. 1915. № 2. С. 42–52; № 3. С. 81–82; № 4. С. 107–109; № 5. С. 146–148; № 6. С. 177–178; № 7. С. 204–206; № 8. С. 245–247; № 9. С. 269–271; № 10. С. 299–301; № 11. С. 336–340; № 12. С. 361–362. 1916. № 9. С. 222–224; № 10. С. 237–239; № 11. С. 260–262; № 12. С. 383–385; № 13. С. 308–311; № 14. С. 333–335; № 15. С. 357–359; № 16. С. 382–384; № 17. С. 405–407; № 18. С. 428–432; № 19. С. 452–455. (на старотатарск. яз.)

*Беккин Р.* Исламская экономическая модель и современность. Москва: ИД Марджани, 2009.

*Бигиев М.* Закят. [Предисл. пер. и коммент. И.А. Зарипова]. Наб. Челны: Духовно-деловой центр «Ислам Нуры», 2013.

*Бигиев М.* Избранные труды. Т. 2. [Сост. и пер. с османск. А. Хайрутдинова]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006.

*Газизуллин Ф.* Татарская экономическая мысль на путях к марксизму. 1880–1917 гг.: дис. ... докт. ист. наук. Казань, 1980.

*Зарипов И.* Богословско-правовое заключение М.-Н. Тюнтери о ростовщичестве // Казанское исламоведение. 2015. № 1. С. 222–228.

*Зарипов И.* Татарские джадиды о соотношении религиозных и светских налогов // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. 2014. Т. 156, № 4. С. 181–188.

*Зарипов И.* Альтернативный путь татарского религиозного реформаторства // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве. 2014. С. 401–408.

*Зарипов И.* Влияние идей религиозного реформаторства на развитие капиталистических отношений в татарском обществе начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.

*Зарипов И.* Икътисад — первый российский журнал по исламской экономике // *Филология и культура. Philology and Culture*. 2013. № 1 (31). С. 193–197.

Ислам. Энциклопедический словарь. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1991.

*Исхаков Д.* Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань: Из-во «Иман», 1997.

*Кныш А.* Реформация, которая не состоялась? Или что бы сказал Муса Бигиев сегодня? // II Бигиевские чтения — 2015. Мусульманская мысль в XXI веке: един-

ство традиции и обновления (Материалы II Международной науч.-образовательной конф., г. Санкт-Петербург, 17–20 мая 2015 г.) / Под ред. Д.В. Мухетдинова. Москва: ООО «Издательский дом “Медина”», 2016. С. 54.

Коран. Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

*Левин З.* Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт систем. и социокультур. исслед. М.: Крафт+, 2005.

*Мараш И.* Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917). Казань: Изд-во «Иман», 2005.

*Степанянц М.* Мусульманские концепции в философии и политике (XIX–XX вв.). М.: Изд-во «Наука», 1982.

*Төрек оглы И.* Муса Акъегетзадә Төркиядә // Гасырлар авазы. 1998. № 1/2. С. 138.

*Түнтәри М.-Н.* Риба мәсьәләсе вә банклар // Әд-дин вә әл-әдәб. 1331/1913. № 16. С. 498–505.

Усуль аль-фикх. Пер. с турецкого. Москва: Московский исламский университет, 2012.

*Фаизханов Г.* Мухаррик аль-афкар (Двигатель мыслей). Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2006.

*Федотов Н.* Мусульманский Лютер // Исторический вестник. 1914. Т. CXXXVII. С. 527–535.

*Хадиуллина Г.* Экономические идеи в наследии Мусы Акъегетзаде (1864–1923) // Проблемы современной экономики. 2003. № 1(5). [http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=198, доступ 08.04.2018].

*Хайрутдинов А.* Муса Джаруллах Бигиев. Казань: Из-во «Фэн» Академии наук РТ, 2005.

*Хасанов Х.* Формирование татарской буржуазной нации. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977.

*Шихалиев Ш.* Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 136–140.

Ayukhanov, Z. (1915) “Riba hakinda” [About usury], *Shura* 2: 42–52; 3: 81–82; 4: 107–109; 5: 146–148; 6: 177–178; 7: 204–206; 8: 245–247; 9: 269–271; 10: 299–301; 11: 336–340; 12: 361–362.

Ayukhanov, Z. (1916) “Riba hakinda” [About usury], *Shura* 9: 222–224; 10: 237–239; 11: 260–262; 12: 383–385; 13: 308–311; 14: 333–335; 15: 357–359; 16: 382–384; 17: 405–407; 18: 428–432; 19: 452–455.

Bekkin, R. (2009) *Islamskaia ekonomicheskaia model’ i sovremennost’* [Islamic Economic Model Nowdays and Modernity]. Moscow: ID Mardjani.

Bigiev, M. (2006) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Kazan’: Tatar. kn. izd-vo.

Bigiev, M. (2013) *Zakyat* [Zakat]. Naberezhnye Chelny: “Spiritual and business center” Islam Nuri”.

Charles, K. (ed.) (2002) *Modernist Islam, 1840–1940. A Sourcebook*. Oxford: Oxford University Press.

Faizkhanov, G. (2006) *Mukharrik al’-afkar (Dvigatel’ mysley)* [Muharrik al-afkar (Engine of thoughts)]. N. Novgorod: Izd-vo NIM “Makhinur”.

Fedotov, N. (1914) “Musul’manskii Liuter” [Muslim Luther], *Istoricheskiy vestnik*, t. CXXXVII, 527–535.

Gazizullin, F. (1980) *Tatarskaia ekonomicheskaia mysl’ na putiakh k marksizmu. 1880–1917 gg*. [Tatar economic thought on the way to Marxism. 1880–1917], *dis. ... dokt. ist. nauk*. Kazan.

Iskhakov, D. (1997) *Fenomen tatarskogo dzhadidizma: vvedeniie k sotsiokul'turnomu osmysleniiu* [The Phenomenon of Tatar jadidism: introduction to social and cultural understanding]. Kazan: Izd-vo "Iman".

*Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. Encyclopedic dictionary] (1991). Moscow: «Nauka", Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury.

Kanlıdere, A. (2000) *Kadimle Cedit Arasında Musa Cârullah: hayatı, eserleri, fikirleri.* İstanbul: Dergâh Yayınları.

Khadiullina, G. (2003) "Ekonomicheskiie idei v nasledii Musy Ak"yegetzade (1864–1923)" [Economic ideas in the legacy of Musa Ak"yegetzade (1864–1923)], *Problemy sovremennoy ekonomiki* 5(1) [http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=198, accessed on 08.04.2018].

Khasanov, Kh. (1977) *Formirovaniie tatarskoi burzhuaznoi natsii* [Formation of the Tatar bourgeois nation]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo.

Khayrutdinov, A. (2005) *Musa Dzharullakh Bigiyev* [Musa Jarullah Bigiev]. Kazan: Iz-vo "Fen" Akademii nauk RT.

Knysh, A. (2016) "Reformatsiia, kotoraia ne sostoialas'? Ili chto by skazal Musa Bigiyev segodnia?" [A Protestant reformation, which did not take place? Or what would Musa Bigiyev say today?], *II Bigiyevskiye chteniya — 2015. Musul'manskaya mysl' v XXI veke: yedinstvo traditsii i obnovleniya*. Moscow: OOO "Izdatel'skiy dom "Medina", 54.

*Koran* [Koran] (1986). Per. i komment. I. YU. Krachkovskogo. [Quran, translated by I. Krachkovsky]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka".

Levin, Z. (2005) *Reforma v islame. Byt' ili ne byt'?: opyt sistem. i sotsiokul'tur. issledovanii* [Reform in Islam. To be or not to be? Essays in systemic and socio-cultural studies]. Moscow: Kraft+.

Marash, I. (2005) *Religioznoe obnovlenie v tiurkskom mire (1850–1917)* [Religious renewal in the Turkic world (1850-1917)]. Kazan: Izd-vo "Iman".

Saeed, A. (2004) "Ribā", in P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel and W.P. Heinrichs (ed.) *The Encyclopaedia of Islam. Second Edition*. Vol. 12. P. 690-692.

Shikhaliyev, Sh. (2017) "Musul'manskoe reformatorstvo v Dagestane (1900–1930 gg.)" [Muslim reformation in Dagestan (1900-1930)], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 3: 136–140.

Stepanyants, M. (1982) *Musul'manskie kontseptsii v filosofii i politike (XIX–XX vv.)* [Muslim concepts in philosophy and politics (XIX–XX centuries)]. Moscow: Izd-vo "Nauka".

Torek ogly, I. (1998) "Musa Ak"yegetzade Tərkiyada" [Musa Ak"yegetzade in Turkey], *Gasyrlar avazy* 1/2: 138.

Tuntari, M.-N. (1331/1913) "Riba masalase va banklar" [The problem of usury and banks], *Ad-din va al-adab* 16: 498–505.

*Usul' al'-fikkh* [Usul al-fiqh] (2012) Per. s turetskogo. Moscow: Moskovskii islamskii universitet.

Zaripov, I. (2013) "Ik"tisad — pervyi rossiyskii zhurnal po islamskoi ekonomike" [Iktisad - the first Russian journal on Islamic economy], *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture* 31(1): 193–197.

Zaripov, I. (2013) *Vliianie idei religioznogo reformatorstva na razvitie kapitalisticheskikh otnoshenii v tatarskom obshchestve nachala XX v.* [The influence of religious reformation ideas on the development of capitalist relations in Tatar society of the early twentieth century], dis. ... kand. ist. nauk. Kazan.

Zaripov, I. (2014) “Al’ternativnyi put’ tatarskogo religioznogo reformatorstva” [Alternative way of Tatar religious reformation], *Islam v mul’tikul’turnom mire: Musul’manskiye dvizheniya i mekhanizmy vosproizvodstva ideologii islama v sovremennom informatsionnom prostranstve*, 401-408.

Zaripov, I. (2014) “Tatarskie dzhadidy o sootnoshenii religioznykh i svetskikh nalogov” [Tatar jadids on the ratio of religious and secular taxes], *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki*, t. 156, 4: 181–188.

Zaripov, I. (2015) “Bogoslovsko-pravovoye zakliuchenie M.-N. Tyunteri o rostovshchichestve” [Theological and legal conclusion by M.-N. Tunteri about usury], *Kazanskoye islamovedeniye* 1: 222–228.